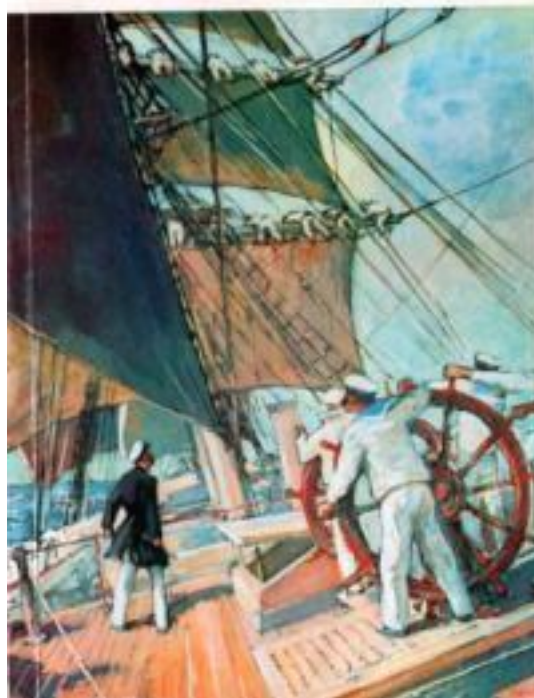

К.М.Станюкович

МОРСКИЕ РАССКАЗЫ

«Морские рассказы»

Константин Станюкович

Смотр

«Public Domain»

1900

Станюкович К. М.

Смотр / К. М. Станюкович — «Public Domain»,
1900 — («Морские рассказы»)

Содержание

I	5
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Константин Михайлович Станюкович

Смотр

Морской рассказ

(Из далекого прошлого)

I

За несколько лет до Крымской войны на севастопольском рейде, словно замлевшем в мертвом штиле, стояла щегольская эскадра парусного Черноморского флота.

Палящая жара начинала спадать. Августовский день догорал.

На полуоте флагманского трехдечного корабля «Султан Махмуд» под адмиральским флагом, повисшим на фор-брам-стеннге, маленький молодой сигнальщик Ткаченко не спускал подозрной трубы с Графской пристани, у которой дожидалась белая адмиральская гичка.

Адмирал приказал ей быть к семи часам, и время приближалось.

И как только на судах эскадры колокола пробили шесть склянок, в колоннаде пристани показался высокий, слегка сутуловатый, плотный адмирал Воротынцев, крепкий и необыкновенно моложавый для своих пятидесяти семи лет, которые он называл «средним возрастом».

Он глядел молодцом в сюртуке с эполетами, с «Владимиром» на шее и Георгиевским крестом в петлице. Из-под черного шейного платка белели маленькие брыжи сорочки – «лиселя», как называли черноморские моряки, носившие их, отступая от формы, даже и в николаевские времена.

Быстрой, легкой походкой, перескакивая через две ступеньки лестницы, с легкостью мичмана, адмирал спускался к гичке.

Офицеры, встречавшиеся с адмиралом, кланялись, снимая фуражки. Снимал фуражку, отдавая поклоны, и адмирал. Матросам, останавливающимся с фуражками в руках, говорил:

– Зря не торчи, матрос. Проходи!

Сигнальщик с флагманского корабля увидел адмирала, со всех ног шарахнулся к вахтенному лейтенанту Адрианову и несколько взволнованно и громко воскликнул:

– Адмирал, ваше благородие!

– Где?

– Идет к гичке, ваше благородие!

– Доложи, как отвалит.

– Есть, ваше благородие!..

И через минуту крикнул:

– Отваливают, ваше благородие!

– Оповести капитана и офицеров.

– Есть! – ответил сигнальщик и побежал с полуота.

Щеголяя своим сипловатым баском, лейтенант крикнул:

– Фалрепные, караул и музыка наверх, адмирала встречать!

Старый боцман Кряква засвистал и закончил команду руладой артистического сквернословия.

Здоровые на подбор гребцы на гичке наваливались изо всех сил, откидываясь совсем назад, чтобы сильнее сделать гребки, и минут через десять гичка с разбега зашабашила и, удержанная крюком, остановилась как раз кормой к середине решетчатой доски трапа.

– По чарке, молодцы! – отрывисто бросил адмирал, выскакивая из шлюпки.

И, видимо, довольный своими гребцами, одобрил свои слова кратким комплиментом в виде своеобразного морского приветствия.

– Ради стараться, ваше превосходительство! – ответил загребной от имени всех красных, вспотевших и тяжело дышавших гребцов.

Адмирал не поднялся, а взбежал с маху мимо фалрепных, по двое стоявших у фалрепов на поворотах коленчатого высокого парадного трапа, и у входа был встречен капитаном и вахтенным начальником. Офицеры стояли во фронте на шканцах. По другой стороне караул отдавал честь, держа ружья «на караул». Хор музыкантов играл любимый тогда во флоте венгерский марш в честь Кошута.

И, словно бы избегая этих парадных встреч, отменить которые было неудобно, адмирал, раскланиваясь, торопливо скрылся под полуют, в свое просторное адмиральское помещение.

В большой светлой каюте, служившей приемной и столовой, с проходившей посередине бизань-мачтой, с балконом вокруг кормы и убранной хорошо, но далеко без кричащей роскоши адмиральских кают на современных судах, адмирала встретил вестовой, носящий странную фамилию Суслика, пожилой, рябоватый и серьезный матрос, с медной серьгой в оттопыренном ухе, в матросской форменной рубахе и босой.

Жил он безотлучно вестовым у Воротынцева лет пятнадцать. Но денег у Суслика не было, и он не пользовался своим положением адмиральского любимца вестового и пьянствовал на берегу с матросами, а с «баковыми аристократами» не водил компании.

– Снасть с меня убрать и трубку, Суслик! – не говорил, а кричал адмирал по привычке моряков, командовавших на палубе.

И он нетерпеливо расстегнул и сбросил сюртук, пойманный на лету вестовым, снял орден и размотал шейный черный платок.

В минуту Суслик снял с больших ног адмирала сапоги, подал мягкие башмаки и старенький люстриновый «походный» сюртук с золотыми «кондриками» для эполет. И тотчас же принес длинный чубук с янтарем, подал адмиралу и приложил горящий фитиль к трубке.

– Ловко... Отлично! – произнес адмирал сквозь белые, крепкие, все до одного зубы, закуривая трубку.

Он почувствовал себя «дома» в каюте, без «снасти» удовлетворенно довольным и, развалившись с протянутыми ногами в большом плетеном кресле у стола, с наслаждением затягивался из трубки крепким и вкусным сухумским табаком по рублю за око¹, и по временам насмешливая улыбка светилась в его маленьких острых глазах.

Вестовой хотел было уйти, как адмирал сказал:

– Подожди, Суслик!

– Есть! – ответил Суслик и притулился у двери в спальную.

Адмирал молчал, покуривая трубку.

– «А то гаванскую сигару, адмирал?» – вдруг проговорил он, стараясь изменить и смягчить свой резкий голос, несколько гнусава и протягивая слова, словно передразнивал кого-то.

Адмирал усмехнулся и уже продолжал своим голосом в добродушно-ироническом тоне:

– И марсалы не подавали за обедом у его светлости князя Собакина... Да-с... Высокая государственная особа-с приехала в наш Севастополь... Первый аристократ-с... Разговор на дипломатии... Одна деликатность... Гляди, мол, моряки, какие вы грубые и необразованные... И все го-сотерны, го-лафиты... А шампанское после супа пошло... А после пирожного тут же рот полощи... Аглицкая мода... Плюй при публике, а громко сказать неприлично-с... Понял, Суслик?

– Точно так, Максим Иванович.

– Таких не видал, Суслик?

---

¹ Три фунта.(Примеч. автора.)

– Не доводилось, Максим Иванович.

– Завтра покажу. Его светлость и дочка его приедут посмотреть корабль, и мы дадим завтракать... Да чтобы ты был у меня в полном параде... Понял?

– Есть!

– Чтобы чистая рубаха... Побрейся и обуйся. Нельзя босому подавать важной даме. Скажут: грубая матрозня! – не без иронии вставил адмирал и прибавил: – Да смотри, идол, рукой не сморкайся...

– Не оконфузю, Максим Иванович! – уверенно и не без горделивости ответил Суслик.

И в черноволосой, коротко остриженной его голове промелькнула мысль:

«Ты-то не оконфузь своим языком!»

– Ты у меня вестовщина с башкой! То-то черти играли в свайку на твоей чертовой роже.

– Небось по своему матросскому рассудку могу обмозговать и марсалу завтра подам к столу, дарма что по-столичному не подают...

Адмирал засмеялся.

– Сметлив ты, Суслик, когда трезвый! – произнес он.

– Я только отпущенный вами на берег занимаюсь вином... И редко! – угрюмо и сердито промолвил вестовой, хорошо зная, как основательно он «занимается» во время редких отлучек на берег и какие бывали с ним разделки от адмирала, когда он, случалось, очень «намарсаливался».

– Ты, Суслик, не вороти рожи... Я к слову...

– Так прикажете принести графин марсалы, Максим Иванович?

– Молодчина! Догадался, башка, попотчевать адмирала. Давай да попроси капитана.

Вестовой принес графин марсалы и две большие рюмки, поставил на стол и пошел за капитаном.

Адмирал налил рюмку, быстро выпил рюмки три и четвертую начал уже отхлебывать большими глотками, с удовольствием смакуя любимое им вино.

II

Осторожно и вкрадчиво, словно кот, вошел в адмиральскую каюту капитан, пожилой, толстый, круглый и сытый брюнет с изрядным брюшком, выдающимся из-под застегнутого сюртука с штаб-офицерскими эполетами капитана первого ранга, с волосатыми пухлыми руками и густыми усами.

Его смуглое, отливавшее резким густым румянцем, с крупным горбатым носом и с большими, умильными, выпуклыми черными глазами с поволокой лицо выдавало за типичного южанина.

Несмотря на необыкновенно ласковое и даже слащавое выражение этого лица, в нем было что-то фальшивое. Капитана не терпели и прозвали на баке «живодером греком».

Капитан, впрочем, называл себя русским и считал более удобным переделать свою греческую фамилию Дмитраки на Дмитрова и испросил об этом разрешение.

– Что прикажете, ваше превосходительство? – спросил, приближаясь к адмиралу, капитан почтительно высоким мягким тенорком и впился в адмирала своими полными восторженной преданности «коварными маслинами», как называли его глаза мичманы. Но прежде капитан предусмотрительно взглянул на графин – много ли уровень марсалы понизился.

– И что это вы, Христофор Константиныч, словно ученый кот, меня прельстить хотите... Я хоть и превосходительство, а Максим Иваныч. Кажется, знаете-с? – насмешливо и раздражительно выпалил адмирал. – Присядьте... Хотите марсалы? – прибавил он любезнее.

По-видимому, капитан нисколько не обиделся насмешкой адмирала. Напротив, приятно улыбнулся, словно бы остроумие адмирала ему понравилось.

«Лишняя лесть не мешает, как и лишняя ложка масла в каше», – подумал «грек», никогда не показывавший неудовольствия на начальство.

И капитан, присаживаясь на стул, тем же льстивым тоном проговорил:

– Премного благодарен, Максим Иваныч... А что назвал по титулу – извините-с, Максим Иваныч... По привычке-с... Прежний адмирал не любил, чтобы его называли по имени и отчеству...

– А я не люблю, когда меня титулуют-с... И не благодарите-с. Хотите или нет-с марсалы?

– Выпью-с рюмку, Максим Иваныч... Отличное вино...

– Наливайте... Вино натуральное... – И, отхлебнув марсалы, прибавил: – Завтра у нас смотр, Христофор Константиныч.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.